

Юридический бизнес

Конфетно-букетный период закончился

Роботы пока не приходят на смену судьям и квалифицированным адвокатам, а российские юристы только начинают автоматизировать договорную, претензионную и административную работу — выгоды надо просчитывать в каждом конкретном случае. Но по мере развития технологий и накопления данных придется править законодательство и менять бизнес-модели юридических фирм — а в перспективе, возможно, и технологии государственного управления. Специально для „Ъ“ эксперты объясняют, что и почему изменится в ближайшие годы.

— перспективы —

«Как будет выглядеть в 2025 году тужба с дорожной службой по поводу колеса, разбитого в яме?» — рассуждает генеральный директор FreshDoc.ru Николай Пацков. По его мнению — так: в течение пяти минут вы формируете и подаете заявление о возмещении ущерба, прилагаете 3D-скан места происшествия и лог события со смартфона, через 10 секунд все события проверены по нескольким источникам информации, через 20 секунд принято решение электронного судьи, а на 30-ю секунду после отправки запроса на ваш счет поступила сумма компенсации.

Даже если прогноз в полной мере не сбывается, информационные технологии в юридической деятельности (legal tech) будут применяться все шире. Это происходит уже сейчас. И в России, и за рубежом автоматизированы многие процедуры и этапы работы: поиск юриста, составление шаблонов документов, электронный документооборот, поиск информации — в том числе в больших и неструктурированных массивах документов. Кроме того, в онлайн уходят типичные мелкие споры, к примеру, о парковочных штрафах или компенсации за задержку авиарейса. Также к legal tech относят сервисы электронного правосудия, в том числе онлайн-базы судебных решений.

Другой вопрос, кому и что нужно «оцифровать» в первую очередь. Целесообразно, конечно, начать с самых распространенных и ресурсоемких процессов: в юридических фирмах это документооборот, учет времени и биллинг, управление отношениями с клиентами, а в юридических департаментах — документооборот, претензионно-исковая работа и управление знаниями. «Нет смысла думать об искусственных нейронных сетях, когда доверенности или типовые исковые заявления составляются вручную», — говорит посол European Legal Technology Association в России, директор «Инфотрип-Медиа» Хольгер Цшайге.

Крупные российские компании сейчас заинтересованы в ответах на практические вопросы, подчеркивает президент Объединения корпоративных юристов (ОКЮР) Александра Нестеренко. Корпоративные юристы в России, как правило, нуждаются в автоматизации договорной практики, судебно-претензионной работы, локального нормотворчества, базы знаний и ряда других. Профессиональное сообщество уже прошло «конфетно-букетный» период знакомства с темой legal tech, констатирует госпожа Нестеренко, теперь корпоративные юристы хотят знать, какие задачи могут быть автоматизированы, какого поставщика выбрать и как составить техническое задание, как обосновать затраты на внедрение IT-решений и так далее.

Критическим вопросом становится оплата труда юриста и стоимость альтернативы — внедрения программного обеспечения. Николай Пацков предлагает посчитать время, которое сотрудники тратят на создание документа или поиск информации, сравнить результат со временем, которое уходит на то же действие с помощью программы, затем умножить разницу во времени на количество документов в год и посчитать, сколько получают штатные специалисты за это время. «Мы ни разу не видели таких расчетов, в которых вложения в технологическое решение не окупались бы в первый же год», — уверяет он.

С ним согласны не все. «Есть случаи, когда внедрение технологического решения оказывается существенно дороже, чем продолжение работы без него», — отмечает Хольгер Цшайге. «Дешевый человеческий труд и низкие заработные платы сильнее всего блокируют разработку и внедрение инновацион-

ных технологий в России», — замечает руководитель «Правовед.ру» Валерий Мешков, напоминая, что в российских регионах сотрудники юридических компаний получают около \$2,5 в час — почти вчетверо меньше, чем в США.

Как полагает руководитель Исследовательского центра проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта, старший юрист Dentons Андрей Незнамов, пока рано говорить о примерах удачной автоматизации работы юриста в России в принципе. По его мнению, сейчас выгодно только то, что не требует больших затрат или является безусловно необходимым, например правовая база. Выгода от внедрения новых технологий на данный момент носит не финансовый, а скорее репутационный характер. Дело в том, что работа, которую можно автоматизировать, обычно не требует высокой квалификации и затрат на персонал в сравнении со стоимостью технологий, как правило, невелики. По словам Хольгера Цшайге, пример удачной автоматизации все же можно найти: отдельным компаниям с ее помощью удается заменить целую группу юристов в большом масштабе, не увеличивая размер юридического департамента при росте числа дел (как поступил «Мираторг») или даже освободить сотрудников от рутинной работы настолько, что те могут предлагать свои услуги на свободном рынке (как получилось в «МегаФоне»).

Александра Нестеренко приводит следующие данные: в среднем автоматизация от российских вендоров (поставщиков программных решений) обходится юридическим департаментам крупных компаний в десятки миллионов рублей, бюджетов на сотни миллионов не существует или их единицы. «Окупаемость в каждом случае следует считать отдельно, так же, как и внедрять по этапам и направлениям», — говорит она. К примеру, когда внедрение технологического решения оказывается существенно дороже, чем продолжение работы без него», — отмечает Хольгер Цшайге. «Дешевый человеческий труд и низкие заработные платы сильнее всего блокируют разработку и внедрение инновацион-

действуют с внешними контрагентами — технологии уже нужны, если несколько десятков или больше 100 — без технологий уже никак, добавляет исполнительный директор компании «Право.ру» Александр Сарапин.

У юридических консультантов, как и у корпоративных юристов, ситуация сходная: пока проще все же поддаются автоматизации рутинные процессы. В ряде случаев можно без участия человека выгружать готовые библиотеки и начать обучать машины, экспериментируя с искусственным интеллектом.

Эксперты legal tech видят несколько тенденций, которые будут становиться все более заметными в ближайшие годы. Это автоматизация правоотношений в целом, большая гибкость рынка труда для юристов, прежде всего высококвалифицированных. Как отмечает Андрей Незнамов, наверняка очень быстро будут автоматизированы мелкие повседневные вопросы: жалобы по вопросам парковки, ЖКХ, а с развитием технологий «умного» города взаимодействие с государственными и муниципальными органами автоматизируется еще больше. По словам Хольгера Цшайге, для быстрого развития legal tech важна готовность государства открывать беспрепятственный доступ к данным: реестрам, судебным документам, законодательному процессу.

Еще одна заметная тенденция — смарт-контракты и технология распределенных реестров. Смарт-контракты можно описать как контракты, автоматически исполняемые при определенных условиях и заключенные с использованием технологий распределенных реестров, или блокчейн (с помощью этого типа технологий выпускаются криптовалюты, включая самые известные — Bitcoin и Ethereum). Почти год назад такой контракт был впервые исполнен при поставке хлопка в Китай. В течение 2017 года штаты Невада и Аризона признали в своем законодательстве допустимость этих технологий, а в августе юристы десяти юрфирм США объединились в рабочую группу, чтобы юридически описать смарт-контракты и придумать, как совместить их с финансовой системой, отраслями телекома и электроснабжения, рассказывает Валерий Мешков. При этом смарт-контракт во многих странах не является договором в классическом смысле, отмечает Хольгер Цшайге. Сейчас в России под эгидой Центробанка разрабатывается платформа «Мастерчейн», которая позволяет работать со смарт-контрактами. Еще одну платформу готовит компания «Симплойер», получающая заявку на статус резидента «Сколково», рас-

скачивает Антон Пронин. Андрей Незнамов добавляет, что в ближайшие несколько лет мы увидим изменения в части смарт-контрактов и в Гражданском кодексе.

Антон Пронин напоминает о том, что технологии распределенных реестров (блокчейн) нельзя разрабатывать силами одной организации — нужна поддержка бизнес-сообщества и стандартизация подходов нескольких организаций (или других участников цепочки блокчейн). Он приводит примеры совместной работы над этой технологией правительства Сингапура и локальных банков, группы компаний R3, создавшей консорциум из 40 крупнейших банков мира, но одновременно предупреждает, что регулирование подобных сделок может быть непростым из-за отсутствия накопленного опыта в использовании смарт-контрактов и блокчейна.

Изменится, по мнению игроков рынка, и профессия юриста: работу технических сотрудников начнут выполнять программы. К 2025 году станет гораздо меньше судебных дел, так как многие споры не будут доходить до суда: накопленная база судебных решений позволит предсказывать их исход, полагает Антон Пронин. По его мнению, к этому времени 90% сервисов юридических консалтинговых фирм будут переведены на уровень бот, так как обработка больших данных, накопленная практика, технологии искусственного интеллекта позволят подбирать максимально точные ответы на поступающие обращения. «Юристы наконец смогут заняться интеллектуальной работой, полностью сняв с себя все рутинные операции», — надеется он. «Классические юристы останутся, но с гораздо более интересной работой — нестандартные и сложные задачи будут всегда», — солидарен с ним управляющий директор «Симплойер» Антон Вашкевич. Как полагает Хольгер Цшайге, юристы будут менее привязаны к определенному месту работы, а в более отдаленном будущем — и к определенному работодателю. Технологии приведут к расслоению рынка на элитные, специализированные фирмы (стоимость услуг которых будет расти) и все остальные (стоимость услуг которых будет стремительно падать). По его мнению, сама структура юридической фирмы будет меняться: «пирамидальную» структуру (много юристов на маленькое количество партнеров) сменит «ракетобразная» (меньше юристов на партнера, больше неюридического персонала и технологий). Работодателями для юристов все чаще будут становиться крупные аудиторские, консалтинговые фирмы и юридические издательства. По мне-

нию главы Европейской юридической службы Сергея Бекренева, в течение ближайших десяти лет более 80% обращений будет обрабатываться роботами-юристами, а голос юриста и его физическое присутствие станут премиум-продуктом. «Помимо обращений в суды разных инстанций даже решения будут выноситься исключительно в онлайн-среде, что позволит сэкономить и деньги, и время», — считает он.

От документов (законов, нормативных актов, контрактов, судебных актов, доверенностей) мы будем переходить к данным, централизованным и децентрализованным, и системам, которые используют эти данные, прогнозирует Александр Сарапин. В ближайшие десять лет, вероятно, контракты и все прочие акты станут больше похожи на исполняемые программы, чем на документы, предполагает он. При этом по мере усложнения информационных систем возникнет необходимость делать нормотворчество технологичным и автоматизированным. Как отмечает Антон Вашкевич, будущее не столько за автоматизацией процессов, сколько за автоматизацией самих правоотношений: вместо программ учета дел юристы будут использовать полноценный софт по настройке правоотношений: контрактных, корпоративных, комплаенса. Их роль можно будет намного точнее оценить в деньгах (сохраненных или заработанных).

Отвечая на вопрос, какие государства и компании могли бы стать драйвером изменений, многие эксперты назвали США и Великобританию. Это страны с развитыми рынками юридических услуг, где стоимость их высока, а юридические фирмы и департаменты имеют возможность инвестировать в технологии. Хольгер Цшайге приводит данные: объем этого рынка в США — \$290 млрд в 2016 году, или 45% глобального рынка, в Великобритании — \$45 млрд, или 7%, в Германии — \$45 млрд США, или 4%. Уже сейчас многие транснациональные корпорации вторгаются в отрасли, в которых раньше не присутствовали, добавляют другие эксперты. По словам Валерия Мешкова, среди компаний можно назвать FAANG — Facebook, Apple, Amazon, Netflix, Google, к которым вскоре может присоединиться Tesla. Не исключен и взлет пока никому не известных компаний за счет прорывных технологий.

Но из-за различия в правовых системах стран каждая из них будет развивать технологии по-своему, добавляет Андрей Незнамов. По его словам, крайне сложно просто взять американскую систему интеллектуального поиска ROSS и заставить ее работать в России. «У нас своя специфика документов, своя иерархия правовых актов, где прецеденты не играют такой роли, свои ожидания от работы юриста и свой язык, распознавать который нужно научиться», — предупреждает он. Однако Dentons рассматривает варианты адаптации ROSS в России, а «Правовед.ру» уже сообщил о желании сделать свой вариант ROSS.

Но пока большинство юридических фирм и департаментов больше экспериментируют, чем реально используют технологические инструменты, отмечает Хольгер Цшайге. По его словам, важно, чтобы кто-то сделал первый шаг и показал, что новые технологии — это способ обойти конкурентов. «Большинство было бы неплохо автоматизировать хотя бы базовые процессы», — замечает эксперт. Желая понять следствия изменений в российском юридическом сообществе стоит обратить внимание на несколько площадок. В «Сколково» сейчас действует ряд рабочих групп, задача которых разработать изменения существующих норм в рамках госпрограммы «Цифровая экономика». В нее вовлечены все ключевые компании РФ, поэтому в ближайшие годы действующее законодательство будет быстрее меняться, говорит Антон Пронин. А Александра Нестеренко призывает обратиться внимание на повестку следующего Петербургского международного юридического форума. «Ожидается отдельная сессия по смарт-контрактам, на которой будет обнародована интересная информация», — сообщает она.

Софья Окунь

CLIFF
ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА «КЛИФФ»

НАХОДИМ ОПТИМАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ С 1994 Г.

www.cliff.ru